

Сборы

Этот день не был похож на другие. С самого утра одна ничем не приметная городская квартира изнутри напоминала беспокойный улей пчёл. В спешке паковались сумки, вещи сортировались на нужные и «не вздумай это брать!», из всех углов «улья» то и дело доносились какие-то крики, в суете мелькали бегущие фигуры мамы и папы маленького, но вполне самостоятельного человечка — Митьки.

Сам Митька наблюдал за всей этой картиной из своей кровати в философской позе: с соской во рту, облокотившись на свою ручонку.

Справедливости ради замечу, что молодая семья эта мало чем отличалась от большинства других молодых семей. Частыми гостями здесь были ссоры по пустякам и обиды. После рождения ребёнка понимание между некогда любящими друг друга людьми и вовсе закончилось, а отношения, казалось, крепятся только штампом в паспорте и обоюдным чувством безысходности. Маленький человечек привык к этим картинам, ведь выбирать родителей не приходится.

Утренняя суета в квартире улеглась в один миг, и вот уже компания из трёх человек едет в автобусе на недельку в сельскую глушь, к родственникам.

За окном автобуса мелькали городские пейзажи: высотные дома, пёстрые вывески рекламы светской жизни, огни светофоров, прохожие...

От всего этого Митька уснул, поудобнее устроившись у мамы на руках.

Он и не заметил, как светливый городской пейзаж сменился на сельский, внешне абсолютно спокойный.

Да, со стороны кажется, что жизнь здесь течёт в другом временном измерении, просто заводь какая-то по сравнению с городской суетой.

Деревня встретила гостей со всей своей открытой душевностью и простотой. Теперь за окном виднелись покосившиеся избышки и маленькие деревянные домики с оконцами в деревянных кружевах, разноцветные палисадники с множеством пестреющих цветов, деревянные мосточки и вольно гуляющие гуси, куры, поросята...

День был в полном разгаре. Автобус мчался по дороге, утопающей в зелени деревьев, голова кружилась от свежего воздуха и ярких красок, буйствовавших на просторе, которые слились в один пёстрый ансамбль под названием «лето»!

Прибыли

Автобус остановился в конечном пункте прибытия — в деревушке, безнадёжно затерявшейся от цивилизации.

Бóльшая часть пассажиров вышла задолго до последней остановки, поэтому наши гости ступили на землю глухой провинции последними и в пешем порядке направились по просёлочной дороге к родительскому дому.

Митька, не совсем понимавший, куда это он попал, наблюдал за происходящим молча, широко открытыми глазами. Надо сказать, что в привычных для мальчугана условиях понятия «молчать» и «Митька» не сочетались вообще. Непонятный и невероятный набор звуков с живописной жестикой и выражением глаз приходилось наблюдать практически всегда. Причём от каждого такого выступления создавалось реальное впечатление, что человек говорит с тобой вполне осознано, только вот ты, бездарь, не знаешь языка, на котором с тобой общаются. При этом юного оратора ничуть не смущало, если собеседник не участвовал в диалоге, — главное, чтобы его слушали. В принципе, вполне обычные жизненные запросы.

Дорога к дому была неблизкой, путники ковыляли усталой походкой. Но бодрее всех, пожалуй, была мама. Пока Митька размышлял над происходящим, она воодушевлённо рассказывала папе об историях из своего детства, когда-то происходивших в родной деревушке, а папа безропотно выслушивая рассказы, волок собранный багаж.

— Чего ты молчишь? — поинтересовалась мама.

— Ну, мне тяжело вато вообще-то! А во-вторых, кто-то должен молчать.

— Вот так всегда: я сама себе, а ты себе на уме!

— Вот и поговорили! Слушай, мы когда-нибудь научимся общаться без скандалов?! Не жизнь, а минное поле от самого загса. Может, нам карту местности выдать забыли, а?

— Понимание мы там забыли! Кольца взяли, а вот главное оставили!

На этом разговор прервался, и оставшийся путь наши герои продолжили по гравийной дороге с угрюмыми лицами под разноголосое пенье птиц.

Родня

В деревянном домике на окраине села давно поджидали гостей. У окна, открывавшего вид на дорогу, был выставлен

пост. Постовым в добровольно-принудительном порядке назначен дед Фёдор, а в помощники ему — старослужащий кот Тимоха.

Хозяйка, бабка Марья, как водится, хлопотала по дому.

— Ну чё, не видать ещё? — спрашивала она почитай каждые пять минут.

— Не видать, — кратко рапортовал дед.

Постовой, наглаживая довольно развалившегося на коленях кота, в очередной раз высказывал свои соображения по поводу длительного отсутствия гостей:

— Я ж тебе говорю: может, что дорога длинная или на работе не пускают, ну тогда ещё и завтра ждать будем... а может, они и вовсе... на автобус проспали...

— Ну-ну, заливать-то — проспали. Это ж не ты, как медведь на зимовке, пушкой не подынешь! — ворчала между делом хозяйка.

Дед, умудрённый опытом, мало обращал внимания на ворчанье жены, однако за словом в карман не лез и при случае находил что ответить, поэтому разговор их порой больше напоминал детские препирания.

У хозяйки к приёму гостей было всё готово. В русской печи, протопленной поутру, пока не так жарко, дорумянился пирог с рыбкой, пойманной дедом накануне. Запахи пирога разносились по всей избе, тревожа воображение голодных постовых, поэтому ожидание ещё больше становилось нетерпимым. Кашка для внучка, сваренная в чугушке, давно распарилась и ждала своего часа вместе с наваристым борщом на приступке свежесвыбеленной печи... Молочко с утреннего удоя баба Марья, как водится, опустила в ведёрке в колодец, надёжно привязав верёвкой, а в сенцах, в глиняной крынке, оставила немного для желающих и вместе с кувшином кваска убрала всё в бочонок со студёной водой из колодца. Ещё с вечера хозяйка перебрала все половички и выбрала самые нарядные для убранства пола. Деду то и дело доставалось от неё, если тот по неаккуратности собирал их ногами.

Подводило только то, что в квашонке осталось тесто, из которого нужно было успеть испечь шанежки со сметанкой, над чем сейчас и хлопотала бабка Марья.

А на улице зверствовал летний зной: солнце палило беспощадно, растения из последних сил старались сохранить цветущий вид, бабочки в поиске влаги лепились к воде, лохматый пёс, изнемогая от жары, забрался в тенёк и неподвижно развалился на земле,— всё замерло в терпеливом ожидании вечерней прохлады.

В доме между тем воцарилась тишина, от которой, правду сказать, наш постовой даже немного вздремнул и едва не проснул появившихся на дороге гостей.

— О! Идут! Бабка, бросай всё,— скомандовал дед,— родственничков встречай!

Через минуту хозяйка стояла на пороге, причитая.

— Выбрались, наконец, хорошие мои,— восклицала бабуля.— Маленький ты мой, иди сюда, уморили тебя совсем эти олухи... В дом проходите, прохладно там. Дед! Ну ты где?!..

Прогулка

Летние дни вдали от шумной цивилизации пролетали незаметно. В один из них городская компания и дед Фёдор, который вызвался их проводить недалеко, отправились на прогулку в лес.

— Айда через зады¹, так побыстрее будет,— пояснил он.— Там у нас нынче ручеёк разбушевался: был ручеёк, а стали мочаги². Ну ничего, чай, не сахарные, не растаете.

Маршрут «экспедиции» проходил через огород по тропинке, вытоптанной между грядками. Дед Фёдор, гордо шагавший впереди с вечным спутником Тимохой на плече, показывал городским огородное богатство:

— Вот ты видал, чего насадила — травы всякой. Кто есть-то будет? Видал, вот кабачки какие-то, баклажаны, фасоль... на черта она мне?! А картошку насадили, её ведь ещё и копать надо! Я думал, нынче тут всю спину оставлю, пока воткнул её в землю! Вон, вон щавель растёт, видишь, зять, и ревеня там же... Хоть бы раз пирогов напекла — где там, не дождёсси!

— Иди давай, ворчун старый! — как гром среди ясного неба, раздался голос старухи, решившей приобщиться к прогулке.— Уморит, пока до леса доведёт! Я вот напеку тебе щас пирогов, дождёсси!

Молодые переглянулись, еле сдержав смех, и устались на провожатого.

Однако дед ничуть не растерялся:

— О! И она тут как тут! На метле или пешком? Не скроешься от тебя...

— Вот паразит! Иди давай, а то доберусь до тебя вон ко-ромыслом.

Дед, довольный, что удачно сострил, живо повернулся и пошёл по тропинке.

— Колодец тут, малого держите, чтобы не нырнул,— переводя разговор, деловито добавил он, показывая на заросшие травой брёвна и высокую жердь над ними.— Это колодец-журавль, я ещё хлопцем его строил, женились только,— добавил хозяин.

Митька, с соской во рту, всё это время был предоставлен сам себе, шагая по тропинке, разглядывал цветы и порхающих бабочек.

Проходя по шатким плахам, перекинутым через ручей, Митька замер: по воде, словно маленькое судёнышко,

¹ Зады — то, что находится позади усадьбы, дома.

² Мочаги — глубокие природные и искусственные каналы с водой, как правило, тёплой, для орошения полей.

скользил листок, сорвавшийся с ветки. Он был ещё совсем зелёный. Надо его достать, подумал Митька и потянулся было за листком, но вдруг почувствовал, что вот-вот сорвётся в воду... Ситуацию спасла бабуля, она успела схватить внука до того, как он искупается в ручье.

— Ох уж эти родители! Вот где у них глаза-то? — с досадой проворчала баба Марья.

Родители, занятые каждый своими мыслями, изредка всё же обращали внимание на сына, но из-за своей душевной близорукости, заработанной в режиме городской спешки, не видели огромный многоликий мир, окружающий их: бескрайний небесный океан, по которому неспешно скользили облака, стройные берёзки, шумевшие от лёгкого ветерка, тропинку, зовущую побродить по лесному храму, и бескрайний зелёный луг, под листочками которого тоже прятался свой мир.

Отряд отдыхающих растянулся: Митька шёл впереди, родители сами по себе, а замыкающие баба с дедом шли неторопливо, срывая разные травы, очень полезные, по мнению хозяйки.

Митька, засмотревшись на солнце, запнулся и шлёпнулся на траву так, что совершенно скрылся из поля зрения.

— Ой! — послышалось в ту же минуту в зелёных зарослях. — Ты под ноги смотришь?!

Митька сел на траву и, вытащив соску, спросил на своём загадочном языке звуков и жестов:

— Это ты мне?!

— Ха! И он ещё спрашивает! — возмутилось маленькое порхающее существо, похожее на бабочку.

— Я не хотел. А ты кто?

— Я-а-а?! Ты свалился в мои владения и спрашиваешь, кто я такой?

— Нет, ну ты тоже хорош! Как ты гостей встречаешь?! — не растерялся Митька.

— Однако, скромн! Ну ладно. Эльфин меня зовут. Я здесь живу. Лес — это мой дом. Нравится?!

— А я...

— Митька,— прервал его Эльфин.— Я всё про тебя знаю! Да-да, всё! Вот видишь дерево напротив дома твоей

бабушки? Это дерево ещё твой прадед посадил. Мы, обитатели леса, знаем, что ты — новая веточка в этом роду, то есть на этом дереве, и зовут тебя Митька.

— Хм,— пожал в ответ плечами Митька и направился было к родителям, но Эльфин его остановил.

— Ну ты куда? Хорош гусь! Только познакомились — и ты уходишь. А знаешь, почему ты меня увидел, а твои мама и папа не замечают?

— Ха! Они меня не замечают, а ты про себя спрашиваешь!.. Ну и почему же?

— Потому что они верить и удивляться перестали, а ты ещё нет. Понимаешь?

— Нет, ничего не понимаю, и вообще, если честно, я проголодался.

— Фу, какой ты скучный! Хочешь, я тебе свой дом покажу, познакомлю со всеми, ну и накормлю тоже? Тут недалеко, пойдём!

Митька призадумался. Увидев, что родители неподалёку, он, оглядываясь, поковылял по траве за Эльфином.

Берёзка

Бескрайний горизонт ярких красок зелени полей и синего неба, сливающийся вдаль, увлёл спутников за собой. Простор и летний ветерок напевали свою песню о свободе и вводили юных собеседников всё дальше и дальше.

По дороге Эльфин не умолкал ни на минуту, рассказывая небылицы своему новому знакомому, но вдруг его кто-то окликнул тоненьким голоском, и компания остановилась на поляне перед маленькой зелёной берёзкой.

— Эльфин! Эльфин! Тебя не дозовёшься сегодня! Ты такой невнимательный!

— Ну чего тебе? Некогда мне, видишь?

— Поправь мне причёску, пожалуйста.

— Я уже поправлял!

— Ну, мне кажется, я ужасно выгляжу! А знаешь, что когда я подрасту и надену серёжки, я буду самая красивая и не стану обращать на тебя никакого внимания?

Изобразив недовольство, Эльфин пробубнил:

— Ну ладно...

Маленькое крылатое существо взмыло вверх. Кружа над кудрявой хрупкой берёзкой, Эльфин принялся бережно расправлять листочки.

Митька присел на траву и приготовился ждать. Он знал, когда мама поправляет причёску, это надолго. Сначала Митька наблюдал за происходящим, но потом его внимание отвлекла растущая неподалёку клубника. Её было достаточно, чтобы скоротать время.

Эльфин появился быстрее, чем ожидалось, при этом бормоча себе под нос:

— Поправь вот здесь, и здесь не забудь... Ох уж эти мне нежности и капризы! Знаешь, другие берёзки как берёзки, но эта!..

— Хм, может, сказать ей, что она и так красивая?

— Ага, сказал я! Лучше бы не говорил! Теперь ни минуты покоя!

— Ну, так ты ходи другой тропинкой,— участливо посоветовал Митька.

— Не могу. Ну как она без меня? Ведь другие с её причёской не справятся. Да мне и несложно, вообще-то. Когда кто-то нравится, вообще всё несложно,— признался Эльфин.

— Ну, как знаешь,— буркнул в ответ Митька, и друзья отправились дальше.

У Эльфина в гостях

Каменистая тропинка и яркое солнце слегка утомили путешественников, и весьма вовремя среди бескрайнего поля на их пути возник лесочек с прохладным теньком.

Компания наткнулась на небольшой родничок, который сочился из-под земли маленькой сверкающей струйкой. Вода в нём была прозрачная и холодная.

— Это что, вода? — удивлённо спросил Митька.

— Ну конечно, вода, родник называется!

— Здо́рово. А у меня прямо дома родник бежит с горячей и холодной водой сразу.

— Ну ты даёшь! Да не бывает такого!

Заливаясь раскатистым звонким смехом, Эльфин упал на листок одного из деревьев, растущих вблизи. Немного

успокоившись, он принялся высказывать Митьке свои соображения о родничке.

— Понимаешь, просто там, где ты живёшь, люди поймали воду в ловушку, вот она и бежит, куда они её направляют. А родник — это совсем другое, он свободный и сильный. Ты только представь, что вот он повсюду, его никто не ловит, он течёт сам по себе и всё-всё на свете знает, потому что он сам пробивает себе дорогу и под землёй, и в море, и даже с неба на нас падает!

— Ух ты! — зачерпнув полную ладонь воды, произнёс Митька.— Вку-усно! Жаль только, что мама с папой такую водичку не пили.

Напившись вдоволь, путники отправились дальше. Выйдя на поляну, окаймлённую высокими деревьями, Эльфин остановился. Утопающая в ярком солнечном свете полянка казалась невесомой от белых шапочек одуванчиков, усеявших каждый её клочок.

— Смотри,— прошептал он Митьке, отодвинув ветки, заслонявшие обзор.

В этот миг на небе появилась целая стая маленького крылатого народца, сновавшая в каком-то непонятном танце. Прозрачные лучи солнца в руках эльфов превращались в невесомую прозрачную материю, от которой тепло в глазах.

— Что это?

— Я знал, что тебе понравится! Это очень важно! Эльфы ткут свет, чтобы в лесу было светлее. Красиво, правда? Здесь мой дом!

Митька стоял, зачарованный увиденным: с неба, пробиваясь через облака и густую зелёную листву, тянулись яркие прозрачные лучики солнца, они падали на землю, освещая всё вокруг.

Свет лился повсюду. Если лучик попадал на листву дерева, то бережно, будто по линейке, очерчивал каждый листочек растения, оттеняя светлую и тёмную стороны листочка, играя на раскидистых кронах деревьев, потом свободным потоком лился вниз, в траву, и терялся там безнадежно, казалось, соединяя небо и землю.

— Пойдём,— позвал Эльфин,— я тебе ещё что-то покажу. Смотри.

Старый пенёк, заросший мхом и опятами, ничем не приметный издали, вблизи оказался художественной мастерской, в которой кипела работа.

— Здравствуй, Митя,— приветствовали его маленькие крылатые эльфы.

— Хочешь, я нарисую тебе родинку, и она никогда не сотрётся, вот здесь? — спросил один из них и прикоснулся своей кисточкой из одуванчика к Митькиному плечу.

«Родинка получилась что надо, красивая»,— подумал мальчуган и поблагодарил эльфа.

Присев поближе, Митька стал рассматривать, как маленькие художники подрисовывают божьей коровке чёрные точки, которые успели потускнеть. Чуть-чуть подальше жуку чинили прозрачное крылышко, потому что он где-то его повредил, а бабочке, попавшей под дождь, эльфы старательно наносили пыльцу и вновь раскрашивали её тоненькие крылышки, чтобы она могла летать.

— Ух ты, как здорово! Вы и рисовать умеете!

— Ха! Конечно! Кто же всем этим следит, ты думаешь? А ещё мы собираем росу с цветков, чтобы она не мешала пчёлам собирать мёд, и прибираемся у них в ульях, ну и ещё много чего. Да ты вверх посмотри!

Подняв глаза, Митька увидел, как целая армия эльфов трудится над кронами деревьев, протирая зелёные листочки и расправляя новую распутившуюся листву.

А внизу, под листвой, дружно маршировал муравьиный отряд, над которым, указывая путь к муравейнику, парили два эльфа с крошечными луком и стрелами, убранными в чехол.

— А что это у них за спиной? — спросил Митька.

— Это на тот случай, если на отряд вдруг кто-нибудь вздумает напасть,— с видом знатока ответил Эльфин.— Смотри, как это действует.

Он сорвал веточку, согнул её в виде лука, перевязал травинкой, потом взял травинку посуше и приспособил её для стрелы.

В этот момент, незаметно для обоих проказников, к ним спустилось похожее на Эльфина порхающее существо. Только это была ОНА, с маленьким венцом на голове и тоненькой тростью в руках.

— Здравствуй, Митя!

ОНА подлетела совсем близко к Митьке.

— Скажи, тебя не слишком утомил этот непоседа? — спросила вдруг незнакомка и строго взглянула на сникшего гида по лесным прогулкам. — Мне кажется, тебе пора возвращаться к родителям, а тебе, Эльфин, пора заняться делом, скоро солнце скроется и в лесу станет совсем темно.

Когда ОНА улетела, Митька, опомнившись, спросил:

— Это кто, и что ты должен делать?

— Ну, это... это моя мама, и мне нужно разбудить светлячков, они ночью путь в лесу освещают. Пойдём. Видишь ли, здесь есть тёмные тропинки, которые можно не заметить ночью и заблудиться. В лесу, как у людей, иногда не сразу понятно, что идёшь не той тропинкой, их лучше обходить стороной, а для этого нужен свет. И ещё — тебе точно пора идти к родителям. Пошли, я тебя провожу.

— А... а... И как же быть, чтобы не заблудиться? — растерянно спросил Митька. — Как же быть тогда?

— Человек со светлой душой никогда не пойдёт тёмной тропинкой, а если заплутает случайно, то обязательно вернётся.

— А как же он вернётся, если заблудился?

— Нужно сильно захотеть, поверить и сделать первый шаг. Нам по домам пора. Тут недалеко, я тебя провожу.

Помявшись немного, Эльфин протянул Митьке маленькое семечко:

— Держи вот, на память обо мне.

— Спасибо. А мы с тобой больше не встретимся?

— Хм, это цветок, его надо посадить, чтобы он рос. Когда тебе станет грустно, подойди к нему и позови меня, я к тебе приду. Только, чур, без дела не звать! А вообще, скажу честно, ты меня скоро забудешь. Не обижайся, но так всегда бывает, когда взрослеют. Не грусти, приходи в гости в лес.

Эльфин исчез так же быстро, как и появился. Митька с подарком в руках очутился на том самом месте, с которого отправился в самостоятельное путешествие. Подняв глаза, он увидел, как взрослые разыскивают его у реки, заглядывая по сторонам, крича что-то, и маму, закрывшую лицо руками и плачущую навзрыд, неподалёку от себя.

«Ищут», — подумал он, поднявшись во весь свой ростик и замерев в ожидании, когда на него обратят внимание.

— Митька, Митенька, сынок, нашёлся!!!

Пора возвращаться

Неделя вдали от шумной цивилизации подошла к концу. День давно отшумел.

Митькин цветок посадили в горшочек с землёй и упаковали как памятный сувенир. Сам герой крепко спал, обцелованный неуёмной мамашей, которая поминутно пускала слёзы, бормоча себе что-то под нос...

— Ой, смотри мне, Дарья, — бранила свою дочь хозяйка, — не очень ты со своим-то. Ты теперь не одна, ребёнку отец нужен, так что строптивость свою поуйми. Всем трудно бывает, семья без терпения и понимания не строится.

— Разные мы, мам, рано я замуж выскочила. Может, другого найду.

— Знаешь, мы в ваши годы не разбирали, разные или одинаковые. Если семья получалась, так берегли друг друга. Кто тебя замуж-то гнал? Замуж — это тебе не в магазин ходить за обновками. Тут мудрость нужна, чтобы семью сохранить. А не собирались всерьёз, чего было и торопиться? Нечего в любовь играть, наиграли вон уже, растите теперь.

Разговор прервался. Летний ветерок повеял прохладой на веранду. Дарья взглянула на окно: мотыльки облепили его и то и дело бились о стекло, чтобы прорваться к свету.

— Вот и я как эти бабочки,— с досадой произнесла она,— вижу свет, а согреться не могу...

— Не сгоришь ты от этого света-то? Отпорхала своё, теперь ты мать и на земле, и на небе ребёнку своему! Главное-то в жизни — семья, остальное — только кажется. Вот прохлопаешь своё, тогда будешь знать, как в чужие окна заглядывать!

Ночь бережно прибрала под свой покров всю округу деревеньки. Всё, что произошло днём, казалось далёким.

Прошрое, как в киноленте, чередой проходило перед глазами Алексея. Вот их знакомство с Дарьей на какой-то вечеринке, кино, прогулки ночные — всё казалось таким простым, а жизнь необъятной. Потом свадьба, пожелания любви и согласия... ребёнок. Ждали, радовались, только рухнуло в один миг всё, и мир сузился до одной квартиры с бесконечными заботами, обидами... Алексей понимал, что не готовы они оказались к испытаниям семейной жизни. Чувства, согревавшие когда-то, стёрлись о семейный быт, казалось, ненадёжно. Может, поспешили... Митька, Митька, что с ним-то будет, думал Алексей, а главное, как они могли не заметить, что их малец остался один на один с огромным миром?..

Под сигаретку и вечернюю тишину у мужчин возле завалинки тянулся свой разговор. Рассказ о жизни дед начал неожиданно:

— Эх, молодость, где теперь она? Другую я любил, страсть как любил. Я тогда отслужил, домой пришёл только. В колхоз устроился. Родители у неё важные такие. Любили мы друг друга. Помню, оденется в своё платице васильковое, тоненькая, как тростинка, волосы русые, и улыбка с ямочками на щёчках. Да-а, давно это было. А мне, знаешь, и не надо ничего, только бы улыбнулась она, чтобы ямочки видно было, вот от этого счастлив был, как ребёнок. Я работал, все деньги копил на свадьбу. Помню, проводил однажды до дому зазнобу свою, а отец её вышел из ворот, мне сказал, что я холоп нечёсаный, неуч. Разогнал, как кошек. С того дня мы и не виделись. Не дал он нам пожениться...

Голос у старика дрогнул, заметил зять.

— Уехала зазноба моя,— чуть помолчав, добавил дед,— за другого вышла. Отец её сгинул давно, а я вот живу. В петлю я тогда полез. Спасибо, Манька увидела, в ноги бухнулась, вытащила из петли. Сердце у неё заботливое. Не сразу

я в ней свою судьбу разглядел, но жизнь-то сложилась. Вот оно как бывает. А вы вроде по любви женитесь, а чувства не бережёте. Нельзя так. Берегите друг друга, сынок. Река, она ведь меж двух берегов тячёт, Митьке вон мать и тятя нужны, а их сколько ни перебирай — всё одна стервь... Я тебе так скажу: не жалея что было, не гадай, что будет, береги что есть, оно так-то надёжнее будет. В гости почаще выбирайтесь. В тишине мысли-то яснее, а у вас там суета сплошная. Ладно... разберётесь,— вздохнул он, закончив свой рассказ.

Бессонная ночь тянулась минута за минутой, отмеряя часы до рассвета.

«Надо как-то жить дальше», — стучало в голове у молодых родителей. Не спалось. Впервые в жизни и тот, и другая смогли ясно почувствовали ответственность за свою семью, за жизнь своего ребёнка, за то, что происходит с ними...

Дома

Митька подрос, как и цветок, подаренный ему. Необузданные монологи мальчугана заменили первые осознанные слова. Прошёл год после той поездки, и многое изменилось в этой семье, но самое главное, что родители Митьки тоже заметно повзрослели.

Однажды вечером, перед сном, Митя, набравшись смелости, подошёл к окну с цветком.

— Эльфин,— тихо позвал он, наклоняясь к цветку.

В этот же миг лепестки растения засветились лёгким светом и распахнулись. Над цветком, потягиваясь и потирая глаза, появился Эльфин, недоуменно озираясь по сторонам в поиске того, кто его звал.

— Эльфин, это я. Привет! Я боялся, что ты не придёшь...

— Привет, Митя! Тебе не кажется, что уже поздновато для встреч? — недовольно буркнул он.— Давай завтра поговорим.

— А я к тебе скоро в гости приеду...

— Ну давай, я не против. Спокойной ночи,— и лепестки цветка захлопнулись, как будто бы ничего и не было.